

#### Литературно-музыкальный вечер в Доме учёных 17 декабря 2019 г., 18-30 Москва, ул. Пречистенка, 16

# Vivat silentium

Свои стихи и прозу читают участники ЛИТО ЦДУ РАН Елена Ткачевская, Маргарита Соснова, Галина Колобова, Вадим Гиршгорн, Василий Геронимус Музыкальное выступление: Александр Долгополов Вступительное слово: руководитель ЛИТО Людмила Колодяжная

песня ««Тише», — сказал я душе», муз. А. Долгополова на ст. Л. Колодяжной

I. «Когда переполняют смыслы тишину — Фругую тишину привносит слово...»

Ткачевская Елена, стих. Прежде слова была тишина Соснова Маргарита, стих. Мой друг, учитель, мой язык Геронимус Василий, стих. Разумный совет Соснова Маргарита, стих. Всё сказано великими... А мы? Ткачевская Елена, стих. Пространство качнулось как маятник Ткачевская Елена, стих. Наука выживания проста Соснова Маргарита, стих. По краю боли и судьбы Соснова Маргарита, стих. О, русских разговоров прелесть Ткачевская Елена, стих. Город, освещённый фонарями Колобова Галина, стих. Я звоню в который раз

Колобова Галина, стих. Жёлтые листья берёзы и снег Ткачевская Елена, стих. В тишине недосказанность птицей взлетала Ткачевская Елена, стих. Я не уверена, что ты меня услышишь Геронимус Василий, стих. Я до одури бьюсь над упрямой задачей Колобова Галина, стих. Всё в мире соткано из случайностей Гиршгорн Вадим, рассказ Мудрость на все времена Ткачевская Елена, стих. Что толку одевать себя в слова

Музыкальное выступление: Долгополов Александр, песня «Мне память говорит...», муз. А. Долгополова на ст. Е. Ткачевской

II. «Молчанье — сқорбь, молчание — печаль.

Возможно ль этого не замечать?»

Соснова Маргарита, стих. Молчанье близких и любимых я раньше мало понимала

Гиршгорн Вадим, рассказ Солдат Колобова Галина, стих. Ты ушёл, и дверь закрылась Ткачевская Елена, стих. Так тихо уходил из дома Ткачевская Елена, стих. Роль разлуки— менять пространство Ткачевская Елена, стих. Собиралась сварливая свора очумительнейших рассуждений

Колобова Галина, стих. В душе— раздрай. Ей мало места. Ткачевская Елена, стих. Если бы Геронимус Василий, стих. Пусть имеется мощный и-мейл под рукой...

Музыкальное выступление: Долгополов Александр, песня «Вот смолкла музыка....», муз. и ст. А. Долгополова

III. «Молчанье — золото? Не знаю... Я в нём другую ценность открываю»

Соснова Маргарита, стих. Молчанье— золото? Коль трезво и разумно... Соснова Маргарита, стих. Четыре друга Гиршгорн Вадим, рассказ Вера

Соснова Маргарита, стих. Нежданно полюбила тишину... Соснова Маргарита, стих. Себе

Геронимус Василий, стих. Вой такси. За рулём косолапый водитель Геронимус Василий, стих. Не одолеть глухой тоски Геронимус Василий, стих. Пусть кричат популисты, что я однобокий

Ткачевская Елена, стих. В контексте— осень Ткачевская Елена, стих. Всё глубже погруженье в тишину Ткачевская Елена, стих. Такой избыток тишины Колобова Галина, стих. Лето в Хорватии Колобова Галина, стих. Симеиз Колобова Галина, стих. Всё непросто в этом мире

Музыкальное выступление: Долгополов Александр, песня «Солнце, ветка тишины...», муз. А. Долгополова на ст. Л. Колодяжной

IV. «Молчанье — благодать. И тишина қақ благо. Мысль будет словом, и для них — перо и белая бумага»

Ткачевская Елена, стих. Звучала музыка, не нарушая тишины Ткачевская Елена, стих. Притяжение тишины существует... Колобова Галина, стих. А когда я тебя обнимаю... Колобова Галина, стих. Сон

Ткачевская Елена, стих. Из этого сна уходить не хотелось Геронимус Василий, стих. Личная тема

Геронимус Василий, стих. Расковаться до светлой, до лиственной дрожи! Геронимус Василий, стих. К Бунину

Колобова Галина, стих. Я вернусь

Соснова Маргарита, стих. Дойти бы до высот молчания Соснова Маргарита, стих. Какая неделя! Бывает же так: искусство, науки, друзья и кумиры

Музыкальное выступление: Долгополов Александр, песня «Настольная лампа», муз А. Долгополова на ст. С. Серовой

# I. «Когда переполняют смыслы тишину — Другую тишину привносит слово...»

Елена Ткачевская

Прежде слова была тишина, После слова тоже будет тишина, Но это будет другая тишина, Ведь слово дало ей новое звучание, Другое знание... И слово становится памятью, И тогда его слышно даже в тишине.

Маргарита Соснова \* \* \*

Мой друг, учитель, мой Язык! Тебе спасибо за богатства, Ты, как Вселенная, велик, Даруешь узы братства. Есть в Русском языке простор И стон, и страсти вдохновенье, И милосердье, и укор, Печаль и радость, упоенье. Я умолкаю. Тишина... Лишь преклонение и трепет. Со словом тьма не так страшна, В нем новой жизни детский лепет.

Василий Геронимус

РАЗУМНЫЙ СОВЕТ

Тимофею Рогулину

Поделюсь-ка я с другом разумным советом (полагаю, и пылкого он успокоит): хлёсткой рифмой болеть, становиться поэтом в нарастающем холоде жизни не стоит.

Зажигаться стихами, читать их со сцены, уходить от простых компромиссных решений всё равно, что публично вскрывать себе вены в непредвзятости взгляда, в браваде весенней;

гравитацию нудную одолевая, уноситься в далёкие дивные кущи, безоглядно богатства души раздавая, становиться свободным, простым, неимущим;

виться, биться в припадке, как ветер горячий, что над пропастью вечной порывисто воет и внахлёст до конца умирать. А иначе за работу со словом и браться не стоит.

#### Маргарита Соснова \* \* \*

Всё сказано великими... А мы? Иль участь наша - долгое молчание, Подобное дыханию зимы? И мы обречены на одичание? Есть Пушкин, Блок и Пастернак. Зачем еще слова сводить, Пытаясь их переженить, Хоть знаешь, выйдет-то пустяк? Но - пустячок про то мгновенье, Где ты жила, а не другой, Пускай и гений дорогой... И на листе твое виденье, Познай его со стороны. Душа изменчива, юна, То будто солнце, то луна... На память эти явь и сны, Число и дата, и заглавье И бед, и счастья описанье, -Защитою от расставанья, На новой встречи упованье!

Елена Ткачевская \* \* \*

Пространство качнулось как маятник Или как коромысло В бесконечных исканиях Здравого смысла.

Отшатнулось от знаков и символов, От несуразных примет. И куда-то доверие сгинуло К словам, которых нет.

Елена Ткачевская

Наука выживания проста
У бабочки, жука, цветка, куста:
Не тянут думы, не болит душа,
И жизнь проста, и этим хороша....
Так узок круг задач, проблем, решений,
Невычурных свершений, ощущений.
А мной стихия белого листа
И многословия однажды принята.
И пребывание в таком пространстве сложном
Не упрощаемо, хотя с трудом возможно.

Маргарита Соснова

По краю боли и судьбы
Проходят Время и Пространство.
Бессильны ямы и гробы,
И глупость жажды панства.
Про жизнь поведают слова
Сердечно и детально,
Не скроют глина и трава:
Ты – есть! И нечто, что сакрально.
И даже после... слов звучаньем
Являться будешь и парить,
Во сне к любимым приходить
Сквозь сумраки молчания
Посланья величаньем!

Маргарита Соснова \* \* \*

Елене Ткачевской

... О, русских разговоров прелесть... Вопросов вечных длинный перебор,

Где души нараспашку – ересь, Железо догмы отвергает взор. В идеях, взглядах масса совпадений – Такая редкость, что на диво просто. Нам встреча обещает обновленье, Но только тем, кто вечно жаждет роста!

# Елена Ткачевская

Город, освещённый фонарями и, совсем немного, звёздами, замедляется и затихает, наполняется снами, а где-то в лесах, за горами, за долами пульсирует предчувствие утра росного, разговор полночный — всё желанней и легче, но беспечный тёплый воздух улепётывает в доверчиво открытое окно с нежным шёпотом, а в трубке телефона замирает предчувствие встречи...

# Галина Колобова

Я звоню в который раз, Телефон не отвечает, Значит, милый не скучает В этот слишком поздний час. И стараясь не смотреть На дырявый диск утраты, Я бегу от аппарата, Чтоб в подушке замереть. А, проснувшись, вновь звоню, И тревожно сердце бъётся, Вдруг опять не отзовётся Голос, что в себе храню. И опять я буду стыть От глухой, как ночь, печали... Вдруг: Алло... Мне отвечали! Значит, снова можно жить.

# Галина Колобова ЛИСТОПАД

Ветер решил размяться И по земле пробежаться, И пошуршать листвой, Скучающей на мостовой. Только у входа в парк Он вдруг притих, обмяк. Там, за ажурной оградой, Медленный вальс листопада Был удивительно прост. Так и просился на холст. Желтый, оранжевый, красный. Листья кружились в ненастный День, добавляя расцветки Парку, газону, беседке. Дальше – пора увяданья. Листья замрут в ожидании

•••

Галина Колобова

Желтые листья березы и снег Мокрый и неприятный. Осени яркой уверенный бег Замер порою закатной. А утром рано опять красота - Солнце и высохли лужи. И на берёзах чиста береста, И стая птиц в небе кружит

•••

Елена Ткачевская

В тишине недосказанность птицей взлетала И парила, и было, конечно же, мало Смысла в прошлых словах, притяжение новых Нарастало, росло, разрывая оковы Неозвученных звуков, остановленных жестов, Недописанных и необдуманных текстов. На неведомых тропах и в тёмных углах Тишина побеждала сомненья и страх

8

Непрожитого слова, позабытого чувства... А иначе зачем существует искусство?

Елена Ткачевская

Я не уверена, что ты меня услышишь, Но всё же тороплюсь скороговоркой Проговорить теченье терпких мыслей, Переполняющих пространство, и поскольку

Мысль матерьяльней и весомей слова Становится в общении нечастом, Душа и сердце – в резонансе снова, И согревает ощущенье счастья...

Конструкция – и зыыбка, и непроочна, Но заамки на песке – ведь тоже заамки. Слова бесстрастны, мысли непорочны, И жизнь течёт как будто наизнанку.

Опережая перечень событий, Наплывы чувств и озаренье светом, Фундаментом догадок и наитий Кренится дом и рушится при этом.

Вокруг лишь клубы пыли и руины, И ощущенье бездны так глубоако! А мы вокруг – как будто не повинны, И выживают только эти строки.

Суть творчества сродни самосожженью, Готовность это принимать – отважна. И вычитанье реже, чем сложенье, Приемлемо для нас, и это важно.

# Василий Геронимус

Я до одури бьюсь над упрямой задачею, повторяю уроки деревьев и птиц: как поэзия, силой сверкая горячею, в щепки рушит надёжные стены темниц. В голове воспалённой возникло решение: чтобы в синь распахнулась унылая клеть, просто нужно земное убрать притяжение и закон тяготения преодолеть.

Как искал путеводной спасительной нити я! Вдруг смотрю, подходящее слово нашёл. В утлой норке моей возникает открытие, я алмаз осознал; на душе хорошо.

Пегкомысленный Пушкин кружился пушинкою, вырываясь стремглав из житейских оков, совмещая смешинку с осенней грустинкою, улетал далеко за черту облаков.

Ах, простите, читатель, мою сумасшедшинку! В мире есть нечто выше разумных начал. От житейской трухи к пантеону скворечнику и поэт Заболотский когда-то умчал.

От житейской мякины зависеть не хочется; муза вечно гуляет сама по себе. Так и я практикую порой словотворчество в соответствии с бурной свободой небес.

Галина Колобова \* \* \*

Всё в мире соткано из случайностей. Случайно встретил, услышал, заметил. Случайно взглядом на взгляд ответил И изменилась дуга реальности.

И жизнь потекла в другом направлении. Случайность – счастье, случайность – беда. И Бог не даёт никому разъяснения, Что приготовит судьба и когда.

А лишь осторожно, случайно, намёком Покажет тот знак поворота пути, Который послужит ступенькой, порогом К принятью решенья: идти – не идти.

## Вадим Гиригорн МУДРОСТЬ НА ВСЕ ВРЕМЕНА Ретроспектива

Гекельберри Фин полулежал на песке на берегу реки Миссисипи. Закинув ногу на ногу и покуривая трубочку, сплёвывал в воду. Шум прибоя речной волны наводил его на философские размышления. Гек скучал: когда же придёт Томас Сойер и придумает что-нибудь весёлое, чтобы все, как бывало, от смеха за животики держались? Наконец, подошел Том, но в последние дни речи его были грустными.

- Взялся я за ум, Гек, и засел в городскую библиотеку. Сколько бы я не читал книжек про истории разных стран, вижу только одно, чтоб мне провалиться, Гек: богатые становятся ещё богаче, а бедные - беднее. Спросишь какого ни на есть лучшего президента страны: «Что же это делается?» Ä он только и ответит: «Да во всём мире так!» Помяни моё слово, Гек, помяни моё слово: придёт время, когда индейцы в прериях переловят всех бизонов, и не будет свободной охоты, весёлого труда, уйдёт изобилие природы, а жизнь в резервациях, где ты под контролем, будет не сахар. А если отсюда на Клондайк, в Канаду хлынут в поисках удачи за золотом наши безработные, захотят стать предпринимателями, то найдутся люди, которые отнимут плоды их тяжёлых трудов, и это будет грабёж среди бела дня. Помяни моё слово, Гек, помяни моё слово!
  - А как же мы, Том? спросил Гек.
- А мы? Даже если я весь день буду белить по указке тёти Полли забор, и детвора с нашей улицы заплатит за право помогать мне всякой всячиной, бродяга Джо схватит нас за помочи и отберёт всё наше богатство, а помощник шерифа, который иногда заглядывает на нашу улицу, отвернётся и сделает вид, что ничего не видел. Точно говорю, Гек. Хочешь землю есть буду, так оно и будет. Джо Гарпер вчера сказал, что у них, у тех полицейских, которые плохие парни, столько денег дома лежит, что хватит кормить наш родной штат

целый год! Представляешь, Гек? Целый год! Штат!

- А когда вырастем, что будет?
- На нас будет держаться жизнь. Ты будешь, Гек, ставить бакены на реке, а я, одев ненавистный галстук, пойду в репортёры местной газеты. Но вряд ли мы приплывём к счастью, как (ты помнишь?) мы плыли на нашем плоту.
- Но у тебя же, Том, есть Бекки, Бекки Тэтчер, дочка нашего судьи?
- Наши девушки будут, как тебе объяснить, как бы унесённые ветром: им будет нравиться скакать в бричке с кнутом в руке по своим воображаемым угодьям, представляя себе, что это и есть их самостоятельность, но что они найдут в этих полях? Разочарование будет жестоким.
  - Так в чём же правда, Том?
- Гек, думаю, надо прожить честно. Беречь родных, друзей, себя.
- Что это, погляди, Том? Ты видишь? Колёсный пароход, а на носу пушка. Бах! Говорят, от выстрелов утопленники всплывают. Да это, вот потеха, они насищут, думают утонули! Бежим с берега, Том, у меня за деревьями на полянке костерок, старое ведёрко, я поймал две рыбины. Будет отличная уха! Скроемся до времени от этой взрослой жизни!

Елена Ткачевская

"Oděv je áríe. Móda je poselstí.", Milan Knížák («Одежда – ария. Мода – послание.», Милан Книжак)

Что толку одевать себя в слова, являя откровенность без причины? Без запятых и точек, как без швов, подвижна на ветру стиха одежда. И строфы так спешат сменить друг друга, что позабыли, что сказать хотели, а помыслы и смыслы добавляют в своё послание, не зная меры. Читайте! В окружающем пространстве

материю узреть не так уж сложно, сложней прочувствовать её существованье за гранью времени, привыкшего к теченью.

Музыкальное выступление: Долгополов Александр, песня, муз. А. Долгополова на ст. Е. Ткачевской

Мне память говорит, что вот — моё окно. Рассудок говорит, что там — чужие люди. Не важно, сколько времени прошло, Всегда душа болеть о прошлом будет.

Город мой не слышит тишины. Шорох листьев, плеск речной волны Вечно тонут в гомоне толпы. Обтекая фонарей столбы, И машины, и людской поток Не находят тишины глоток.

Метаться будет по родным местам, Где жёлтый дом под мишстой крышей И сад, известный до последнего листа... И в поисках душа летит всё выше, выше.

Город мой не слышит тишины. Шорох листьев, плеск речной волны Вечно тонут в гомоне толпы. Обтекая фонарей столбы, И машины, и людской поток Не находят тишины глоток.

Точно шёпот — всплеск речной волны, Город мой не слышит тишины...

II. «Молчанье — скорбь, молчание — печаль. Возможно ль этого не замечать?»

Маргарита Соснова

«Молчание – прибежище простой души, испытавшей всю глубину человеческой скорби» Виктор Гюго Молчанье близких и любимых Я раньше мало понимала. Пишь слову непоколебимо Свои восторги отдавала. Шли годы...

Наконец, дошло:
Молчанья суть – труды и чувства,
Все то, что за душу брало,
В слезах, переживаний буйства!
Рожденье мысли – в тишине,
Единственный отыщешь путь.
Волненье в сердце, в глубине,
Назад не повернуть!

Вадим Гиршгорн

СОЛДАТ

Иван сын Алексеев призыва 1810 года служил рядовым в орудийном расчёте артиллерийской роты, которая входила в пехотный корпус генерала Раевского. Было начало сентября 1812 года. Стояла золотая осень. Готовясь к сражению, они заняли курганную высоту, господствующую над открытой местностью, и возводили земляные укрепления для усиления позиции. Жерла пушек уже грозно смотрели в сторону ожидаемого врага. Сегодня днём в полутора верстах от них появились крупными силами французы и разбили в пределах видимости большой лагерь.

Иван выпросил у унтер-офицера подзорную трубу и, опершись на бруствер, стал рассматривать неприятеля. Это были пехотинцы, они отдыхали от перехода, принимали пищу и готовились к наступлению. Внимание Ивана привлёк лесок справа от лагеря французов. Он был хорош для скрытого размещения конницы, которая могла оттуда провести неожиданную и быструю атаку на их батарею. «Ну да офицеры наши всё это хорошо видят», – рассудил солдат.

Вечером пришел полковой священник и отслужил короткий молебен о победе русского оружия. Всё говорило о том, что завтра они будут уже в деле, что

шуткам нет места: всё происходит реально и всерьёз. К ночи солдаты зажгли костры, чтобы греться и стали отходить ко сну подле своих орудий. Иван собрал с покоса охапку подсыхающей травы, развернул скатку, лёг на сено и укрылся шинелью. Рядом спали солдаты из его расчёта, в десятке метров от них егеря из приданной для прикрытия батареи пехотной роты пекли на углях картошку и тихо переговаривались.

Ночь была звёздной. Иван смотрел в небо и ему ка-

Ночь была звёздной. Иван смотрел в небо и ему казалось, что кто-то оттуда с высоты наблюдает за этим скопищем войск, за ним и его товарищами. Веки смыкались, и он стал вспоминать свою прежнюю невоенную жизнь.

Началось с того, что два года назад к отцу Ивана, Алексею Петровичу, старшему в их роду и главе большого семейства зашёл сельский староста и с полчаса беседовал с ним. После чего отец, оставшись один, позвал Ивана в горницу и, не глядя сыну в глаза, сказал:

- По правилам общины пришёл черёд с нашего двора в солдаты отдавать. Вас трое у меня, сыновей. Старший уже не в том возрасте, чтоб в рекруты идти, у среднего трое детей. И, если мы его пошлём, трое внуков моих без отцовской руки будут расти. А у тебя один мальчонка, годовалый, он и не почувствует твоего ухода. К тому же лет тебе девятнадцатый годочек, через двадцать пять лет ещё молодым вернёшься, моложе меня теперяшнего...

Алексей Петрович совсем отвернул голову в сторону, чтобы скрыть своё страдание. Иван был его любимым сыном, но отец всегда под ревнивыми взглядами семьи отказывал себе в естественной радости за трапезой дать маленькому Ване лучший кусок или больше приласкать, чем других – надобно всем поровну. И вот сейчас он прощался с ним на двадцать пять лет, а по оставшимся ему, старику, годам жизни – навсегда.

Жена Вани, Екатерина, узнав, что стала солдаткой, закричала, ужаснувшись разлуке и концу своей счастливой женской жизни. «Цыц!» – заорал на неё Алексей Петрович, проклиная про себя весь этот нескладный

окружающий мир. И Катя, закусив губу, убежала рыдать в сени.

- Ты того, - говорил отец, прощаясь с рекрутом, - спокойся, Ваня, твоих мы не оставим, всё наше поровну делить будем!

И вот два года Иван тянет солдатскую лямку. Раз в полгода они с Катей, неграмотные люди, обмениваются письмами. Пишут и читают им сельский дьячок и полковой писарь. Жена отписывает, что отец не обижает: и одёжа, и обувка, и кусок хлеба – всё есть. Сыну, Саньке, уже три года, и он стал страсть какой смышлёный. Диктуя письма дьячку, многим поделиться Катерина не могла, но хотя бы так.

Иван отвлёкся от воспоминаний и ему представилось, что французы, которые стоят рядом лагерем, эти французы входят в их село, чтобы грабить земляков, осквернить его родной дом. И тут он понял, что не уйдёт завтра с батареи как бы ни сложилось. Разобьют их орудие – у него есть ещё солдатское кремнёвое ружьё, быющее на триста шагов, и трехгранный штык. Будь что будет: Господь не выдаст, а свинья не съест!

Как раз в эти минуты в далёком родном селе его трёхлетний сын проснулся и спросил у матери: «А скоро к нам приедет тятя?» Мать ничего не ответила. Быстро поцеловала вихрастую головку, и на лоб малыша из её глаз упали тёплые капли.

16-18 апреля 2019 г

Галина Колобова

Ты ушёл, и дверь закрылась, Наступила тишина. Я слезинкою умылась И решила жить одна. Перевесила картину, Что купили мы с тобой. Отношений паутина Порвалась сама собой. И остались в прошлом ссоры, Нас сводившие с ума, И бессмысленных укоров

Тяжеленные тома. Стало вдруг легко и просто. И не надо больше ждать, К твоему большому росту Мне рубашки подбирать. И, боясь узнать причину, Видеть отрешённый взгляд. Все прошло... Но вот картина Так и просится назад.

Елена Ткачевская

Так тихо уходил из дома, Как будто мы едва знакомы, Как будто вор, как будто ветер. И мне теперь на этом свете Нет поцелуя на прощанье И возвращения обещанья, Лишь двери скрип, давно знакомый. Так тихо уходил из дома...

Елена Ткачевская

Роль разлуки — менять пространство По размеру, по плотности... Или Кто-то верит ещё в постоянство Слов, которых не говорили?

Елена Ткачевская \* \* \*

Собиралась сварливая свора Очумительнейших рассуждений, Но тебя только я и слушала, О своем-то лишь только молчала. Пообщались — душевней некуда...

Галина Колобова \*\*\*

В душе — раздрай. Ей мало места. Она бунтует, как невеста, За нелюбимого идущая. И хоть душа совсем не пьющая, Ей очень хочется напиться. Не думать и не суетиться, Усвоить жизненный урок, И как измученный зверёк, Под пнём корявым притаиться, И отдохнуть... Потом пробиться Побегом новым в новый день, Оставив в прошлом старый пень.

Елена Ткачевская

Если бы отличали реальность от вымысла, Что тогда? Утопали бы в море здравого смысла? Как знать...

Если бы не позволяли себя заморочить Сомнением, не просыпались бы среди ночи. Как знать...

Если бы не достраивали скрытых смыслов, Не озирались бы с недоверием, только мысли Были бы главными, как дважды два — пять. Как знать...

Василий Геронимус

Пусть имеется мощный и-мейл под рукою и с тобою общаюсь я на расстоянье, сумасбродное сердце не знает покою, я хожу сам не свой в разрывном состоянье.

Ибо только событье сложившейся встречи, засверкав остриём очистительной нови, от мертвящей тоски мою душу излечит и гармонию в чувствах моих восстановит.

Я тоскую по пажитям пышным зелёным, жаркий шёпот – казалось бы, нонсенс, безделка. Но в сличенье с характером губ исступлённым и явленье и-мейла до плоскости мелко.

... Жизнь вернётся как май без постыдных натяжек и нахлынет прибоем огромное детство. То, что сердце горячее свежее скажет, не под силу конструкциям связного текста.

Музыкальное выступление: Долгополов Александр, песня, муз. и ст. А. Долгополова

Вот смолкла музыка...

И тишиной объят мой сад и старый дом.

Вот смолкла музыка...

Ушла война, напоминает мне о ней весенний гром.

Пусть в небе светлая заря коснётся краем твоих глаз Ипесней жаворонка над полем золотым начнёт свой утренний рассказ.

Вот смолкла музыка...

И только дождь весь день стучит в моё окно.

Вот смолкла музыка...

Но где-то здесь прикосновенье рук твоих, тепло.

Пусть волны времени бегут, смывая жизни острова, Я память детства в сердце сохраню, на камне — стёртые слова

## III. «Молчанье — золото? Не знаю... Я в нём другую ценность открываю»

Маргарита Соснова \* \* \*

Молчанье - золото? Коль трезво и разумно, И мудростью пронизано насквозь. Пускай в душе бушуют страсти шумно, Ты сам с собою, вместе, но и врозь. Бывает, занят поисками истин, Вранью - для выгоды лукавому - заслон, Отдашься справедливости в полон, Чтоб воздух был кристально свежим, чистым. Молчишь упрямо и не угождаешь Ни другу, ни начальству, ни родне. И - то ли семя истины рождаешь, То ль видишь, что она опять на дне...

# Маргарита Соснова ЧЕТЫРЕ ДРУГА

Собрались четверо друзей: Молчанье, Вопль и Диалог, Влетел, как истый чародей, Амбиций полон, Монолог. Конечно, Воплем начата беседа, Он жестами пугал соседа, Ругался, не давал сказать, И речь-фонтан не думал затыкать. Тут гордый Монолог не утерпел, Изведал факты он в лицо, Поведать их друзьям хотел Словцом, Как копьецом! Молчание ни слова не сказало, Неясно было, почему. Иль робость путами связала, Иль правда снизошла к нему... (Нам тайна чудится в молчании, Сомнений муки и метания... Vвы, чем выше ожидания, Тем горше разочарования.) Вмешался мудрый Диалог, Беседа, чистый ручеек, Текла, понятья слила И чуткость пробудила. Обычный серенький денек Вдруг засиял, как огонек. Мечты и ценности раскрылись, Воспоминанья, смыслы... От гонора сердца отмылись Для общих дел и свежей мысли.

#### Вадим Гиршгорн

#### BEPA

Вторая декада января 1944 года. Мотострелковая бригада наступает уже третий день, в строю осталась половина состава. Ещё пару дней и остатки ча-

сти отведут в тыл на переформирование, это будет продолжением жизни для тех кто уцелел.

Рядовой Саша Горелов, вчерашний московский школьник, притулился в траншее и ждал вместе со своим взводом сигнала к атаке. Ребята из миномётного взвода только что заставили замолчать расположившийся на высотке пулемёт противника, из-за которого нельзя было поднять голову. И пока немчура не очухалась, надо было атаковать. Саша несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух и вспомнил одноклассницу, свою школьную любовь.

Вот пошла сигнальная ракета, взводные закричали: «Вперёд, в атаку!», тряся за плечи и раздавая тумаки тем, кто не мог совладать с собой и задержался в укрытии. Поредевшая рота поднялась и под свист пуль побежала к первой линии вражеской обороны. Александр с винтовкой наперевес преодолел уже почти половину расстояния до немецких окопов, когда боль в правом плече опрокинула его на спину и выключила на несколько минут сознание. Очнулся он, когда к нему подползли два санитара и волоком дотащили до траншеи. Скинули набухшую кровью телогрейку, перевязали индивидуальным пакетом. Через пару часов вместе с другими ранеными Александра довезли до медсанбата. Из его плеча врач под наркозом вытащил осколок снаряда: «Везунчик! Будет жить!»

В висках стучало. Солдат потерял много крови и ослаб, как на грех с дальнейшей эвакуацией вышла задержка. Большая часть грузовиков бригады была на тот момент уже уничтожена немецкой артиллерией и авиацией, их теперь не хватало даже для подвоза боеприпасов и солярки для танков, и машина за ранеными пришла только на вторые сутки.

На третьи сутки они добрались до эвакуационного госпиталя, ему обработали рану и провели принятые санитарные мероприятия. Александр от высокой температуры часто впадал в забытьё, ему не хватало воздуха. Рана опухала, это было плохим признаком, стрептококковая инфекция. Потерянные сутки при

эвакуации и задержка активного лечения плохо сказались на нём. Мазь Вишневского помогала мало. Он отмечал про себя, как врач после осмотра, истратив свои душевные силы, опускает руки, а молодая медсестра, укутывая его одеялом, не может скрыть расстроенного выражения лица.

В левом нагрудном кармане гимнастёрки Александр носил помогавший ему воевать комсомольский билет, а на самом дне кармана осталось подаренное бабушкой маленькое православное распятие. В окне палаты, куда положили юношу, виднелась во дворе старая церковь, правда, с купола сняли крест, но распятие было у Саши в руках, и впервые в жизни он подумал, что силы небесные реальны, напоминают о себе своими символами и не должны оставить его. Каким-то внутренним зрением он стал видеть свою жизнь дальше текущих дней и не верил, что она оборвётся.

Внутренняя паника, когда больной осознаёт, что инфекция наступает и состояние ухудшается, была лишь час-полтора. А дальше, несмотря на тяжёлое самочувствие, он стал неумело, но убеждённо молиться Богу о выздоровлении. И в этой своей уверенности твёрдо надеялся на благоприятный исход. Он чувствовал, что от молитвы его существование наполнилось каким-то глубинным неведомым ранее смыслом, и этот смысл выходил уже за рамки его нынешней сознательной жизни, укреплял и украшал его бытие. Он был уверен, что сонм сил небесных не оставит его. Теперь Александр стал часто ощущать посещавшее его целебное тепло и внутреннюю пульсацию, как будто у него заработало второе сердце.

На двенадцатый день раненый почувствовал себя немного лучше и температура спала на градус. Во второй половине дня к Александру подошёл врач и оповестил, что в госпитале учёные медики испытывают новое небывало сильное лекарство: уколы пенициллина и, если он, пациент, даст согласие, ему проведут курс. Саша радостно кивнул.

Рана заживала медленно, Горелов пробыл в госпитале

ещё полтора месяца. В начале второго месяца он начал гулять по парку, разбитому на территории госпиталя, выбирался на дорогу, проходящую мимо ограды. Он любил природу средней полосы. С удовольствием глядел на поля и рощицы, расположенные вдоль дороги. Шагая по просёлку, он напоминал себе человека, идущего по жизненному пути. Куда приведёт эта дорога? Конечно, будущее волновало его. Часто он задумывался о Москве, о родительском доме. Как-то на прогулке, обращаясь к Небу он спросил: «Господи, судьба ли мне вот так гулять ещё по моей Москве?» И тут вопреки всем привычным физическим законам нашей жизни среди тишины безлюдной местности он услышал негромкий, но властный и твёрдый голос, похожий на далёкие раскаты грома: «Москва ещё будет твоей!»

Спустя два года сбылось!

21, 22 июня 2019г.

# *Маргарита Соснова*

Нежданно полюбила тишину И паузу, и мира созерцание... Не зло усмешки ради отрицания Всего и вся... А солнце и луну Увидев, напитаюсь их радением, К урокам вечным как не устремиться? Мечты-полеты нам – живой водицей Нам, жаждущим Небесных наставлений!

# Маргарита Соснова СЕБЕ

Учись вниманию, смиренью, Гордыней злой не заразись. А в трудный час зови терпенье, За правду поборись! Унынию не предавайся, Пороком названо недаром, К надежде светлой возвращайся И к идеалам старым. Все прошлое предстанет милым, Еще незрелым и наивным...

А что болело и томило, Незримо время смоет ливнем! Цени моменты созреванья Идей и мыслей, и страниц... От чуждых и далеких лиц Не жди ни пониманья, Ни капли состраданья!

Василий Геронимус

Вой такси. За рулём косолапый водитель. Протянулась дорога, тоскливо петляя. - Вы, пожалуйста, в осень меня отвезите! говорю исступлённо, почти умоляя.

Прохрипел убеждённо в петлистое ухо:
- Вы поймите, я светлостью осени болен!
И в ответ на крамолу мне в лоб - оплеуха.
Что поделать? И осени воздух крамолен.

Горячо надрываясь от дикого смеха, мне водитель сказал: «Городской сумасшедший!». Но насел на хрипатый мотор и поехал. Да, случаются невероятные вещи!

Сумасшедшее сердце уняться не хочет, рвётся прямо из кожи на зов на осенний. И огромное солнце ужасно хохочет над мякиной дорожных недоразумений.

Василий Геронимус

Не одолеть глухой тоски, о лете сны прощально нежа; лишь точечные огоньки в осенней мгле устало брезжат.

Туманны, зыбки, далеки в глуши круги живых вкраплений. Едва заметные мирки теряются в тоске осенней.

... Уму чужда гряда камней, седых, могучих и великих. Косматой силищи живей едва мелькающие блики.

Они напоминают мне уют, утраченный когда-то. Так возникают на стене косые отсветы заката.

Большого солнца мне с лихвой достаточно и малой доли. Хожу я долго сам не свой томимый тайной тихой боли.

Моей души неброский клад, на блёстки осени похожий, пустых эпических громад интимно горше и дороже.

Василий Геронимус

Пусть кричат популисты, что я однобокий, я рождён докопаться до радостной истины! Потому я схожу в мир подземный, глубокий; мне начертано лично – блюсти бескорыстие.

Пусть изношена хрупкая кожа до крови и в ленивые глыбы врезается скважина, мной добыты частицы нездешних сокровищ, в этом мире ты есть! – остальное неважно.

И пытливое сердце прерывисто ноет, ощутима в гортани горячая сила, расшалившихся нервов коснулось иное; возникает открытие, слышишь ли, милая?

Сердцу ведомо: тихое слово бесценно, ослепляет рассудок свеченье жемчужное. Остальное – до сухости второстепенно или просто отброшено мной как ненужное.

# Елена Ткачевская

В контексте — осень. Мокрая листва Ещё желтеет на траве зелёной, Идёт прохожий хмурый, утеплённый, Бормочет что-то, но его слова

Не разобрать. Попутчики в прогулке не нужны. Прохожий углублён в себя. Душой и кожей Не чувствует, что вечер непогожий, Что улицы и переулки к нему обращены.

И одиночество— его неотвратимый крест, Глухое погруженье в увяданье... Что любит он? Одно воспоминанье И осень тихую окрест.

Елена Ткачевская

Всё глубже погруженье в тишину.
Молчание – в цене, со златом не сравнится.
Слова, дела, глаза и, в целом, лица
Всё выражают... Я легко пойму
Движенье мысли, ход твоих желаний
И пожелание всё той же тишины.
Не важно, сколько встреч и расставаний. Нужны,
Друг другу, всё ещё нужны без обещаний
Клятв и заверений в приверженности этой тишине.
Есть ощущение затишья на войне,
Когда все чувства обостряются вдвойне.
Твой голос помнит рыбка золотая,
но оглушительно молчание во мне.

Елена Ткачевская

Такой избыток тишины!
Лишь вскрики птиц едва слышны,
Слегка песком шуршит волна...
И у большого валуна
Под лёгкий шелест ветерка
Стою одна. Одна пока...
Лишь вскрики птиц едва слышны.

#### Такой избыток тишины...

#### Галина Колобова ЛЕТО В ХОРВАТИИ

Острова, как тарелки с салатом На столе бирюзового цвета. Сверху диск тёмно-бурым томатом Тихо катится к краешку света. А у берега белые чайки, Словно важные гости, надменны. И рыбёшки сбиваются в стайки, И темнеет вода постепенно. А вокруг - тишина и безлюдье, Передышка у хитрой погоды. Словно всё это - только прелюдия К грандиозному пиру природы, Когда море бурлит и клокочет, Недовольное тем, что волна Покорить острова его хочет, Грациозна, надменна, пьяна.

## Галина Колобова СИМЕИЗ

Vже прохладно стало, Вода чиста, бодрит. Людей на пляже мало, Сезон почти закрыт. Лишь редкие любители Ныряют с древних скал, Пугая морских жителей. А Симеиз устал От шума отдыхающих, От длительной жары, От вывесок сверкающих И криков детворы, От лавок сувенирных, От запахов еды. И от заплывов длинных С предчувствием беды. Хоть Симеиз и сложен

Из помыслов благих.
Но отдыхать он должен
От отдыха других.
Расслабиться, умыться
Дождями по утрам,
От ссор мирских укрыться
В старинный светлый храм,
Принять Зимы подарки,
Понять Весны каприз,
Стать снова свежим, ярким.
Всё это — Симеиз.

Галина Колобова

Всё непросто в этом мире... Мы живём в одной квартире, Но... разведены. Наши комнаты напротив, А душа всё время против Той вины, Что тихонько притаилась, Может явь или приснилась, Но жива. И летят друг другу в спину На чужую половину Яд - слова. Нить прямая коридора Служит местом для разбора Глупых ссор. А на кухне общий чайник, Нашей жизни соучастник С давних пор. Если б сразу разлететься И не рвать друг другу сердце, Не мешать. Только спит за стенкой дочка, И так трудно ставить точку, И решать...

Музыкальное выступление: Долгополов Александр,

## песня, муз. А. Долгополова на ст. Л. Колодяжной

Солнце, ветка тишины, снег-иней чист, как исчисление блаженств. Утра лепесток спадет невинно, как молитвы мимолетной жест.

Серебристых стен узри узоры: крыльев, опаленных светом, тень... Утро без упрека иль укора — не хочу, чтоб продолжался день.

Птиц цитаты — дар простора редкий, день на грани: быть, или не быть... Хорошо бы так — замерзшей веткой отражением в глазах застыть.

# IV. «Молчанье — благодать. И тишина как благо. Мысль будет словом, и для них — перо и белая бумага»

Елена Ткачевская

Звучала музыка, не нарушая тишины, слова и мысли не были нужны такому состоянию. Душа в растерянности замирала, вороша воспоминаний ворох. Птичья стая прозрачной акварелью в небе тая, всё удалялась. Вечер омывал уставший город, как девятый вал мелодия стихийно настигала того, кто слышал, пережив не мало...
Потом, друг другу ставшие нужны, звучали музыка со словом, не нарушая тишины...

Елена Ткачевская

Притяжение тишины существует... Ещё какое! Гравитации посильнее. А слова-то мои Из неразомкнутых губ Прямо губами снимаешь — Вот потому-то вокруг тишина. Что говорить-то...

Галина Колобова

А когда я тебя обнимаю, Целый мир для себя открываю. За окном тает день уходящий, А я слышу твой голос звенящий, Снова чувствую губы сухие, Руки, к зову рассудка глухие, И шершавую ласковость кожи... Я тебя обнимаю. О, Боже! Каждой клеточкой тела желаю. Принимаю!

А когда выхожу на рассвете На холодный, пронзительный ветер, И иду, вспоминая прощание, Сердце тихо скулит от отчаяния. Вдруг исчезнет тот мир, что открыла, Растворялась в тебе и парила, Вдруг порвётся та тонкая ниточка И захлопнется в счастье калиточка.

Ночь заре свой шатёр открывает, И никто в целом мире не знает, Как мне хочется взять и вернуться, Снова в руки твои окунуться, И остаться. Совсем. Если можно... Боже праведный!

Галина Колобова СОН

Он был ленивый и большой.

Как это сложно.

И с первого же взгляда Она приклеилась душой. Бог не сказал: Не надо. А лишь послал ей странный сон: Как будто в чистом поле Затормозил один вагон По чьей-то мудрой воле. Вокруг царила кутерьма. Вдали, в рассветной дымке Стояли светлые дома, Как на журнальном снимке. Она бежала к ним стремглав, Была земной и грешной. Её желанья распознав, Он следом шёл, неспешно. А ей казалось, вот тот дом, В котором счастье прочно Завяжет их одним узлом. Но он отстал, нарочно. Наверно, знал, что всё - игра. И словно в подтвержденье Вдруг разом рухнули дома, Как карточные звенья. Светило солнце в вышине Над грудой декораций, А рядом с ней в том странном сне Цвели кусты акаций. Но сон - не явь. Открыв глаза, Она к нему прижалась. Лишь на его плече слеза Случайно задержалась. Потом был год. Весь год любви, Обмана и порока. Они не слышали молвы. Не вспоминали Бога. Пока не разорвался круг Безумной страсти этой... Стоял июнь. Акаций дух Носился над планетой.

# Елена Ткачевская

Из этого сна уходить не хотелось, В нём всё говорилось как будто бы пелось, И мысли текли полноводной рекой, Впадая в моря, становилась строкой Любая волна. И была я любима, Была я нужна и нежна, и хранима Молитвой твоею. Но старилось тело, А я-то молиться совсем не умела, Порывы души доверяла стихам, Где рифма на слово была «аз воздам». Что сон? Одинокий прыжок в подсознанье, Лишённый и знания, и узнаванья.

# Василий Геронимус ЛИЧНАЯ ТЕМА

Пусть во мгле километров грохочет металлом, пробегая по рельсам огромный состав, бесконечность любви умещается в малом; тихий шаг её вкрадчивей шороха трав.

Вторя россыпи ясных ромашек в овраге, лик любви до глухого отчаянья прост; и однако её разбитные зигзаги несравнимо загадочней стрельчатых звёзд.

Пусть разумно отлажены звенья состава, не постигнуть умом разрушительный дар! Ведь любовь – это пылкой душе смерть-отрава и свежайших ромашек целебный отвар.

Ведь она и всемирной истории старше, и открытого небу июня юней. Сумасшедшие венчики встречных ромашек обжигают гурьбу беспорядочных дней...

За кратчайшим наружно бесхитростным кодом, удивляя приборы сознания вновь, высотой недоступная выспренним одам, обитает непознанной в мире любовь.

Аня, Аня! способен иных озадачить непредвзятый, как поле, бесстрашный полёт. Только губ лихорадочных шёпот горячий словно датчик опасную суть выдаёт.

# Василий Геронимус

Расковаться до светлой, до лиственной дрожи, дольний мир позабыть в поцелуе горячем, в нетерпенье отбросить рутинные вожжи; мы не можем иначе, не можем иначе!

Проникает гармония в нас внутривенно, заповедный огонь пробегает по жилам. Мы по краю обрыва скользим вдохновенно, мы открыты таинственным творческим силам.

Вопреки многословным людским кривотолкам, собирая чистейшую звёздную россыпь, по кремнистым распутьям, по звёздным осколкам мы опасно гуляем, свободны и босы.

Своеволья вершины подчас каменисты, нашу хрупкую кожу способны изранить. Но зато мы отчаянны, как альпинисты, нас житейскими путами не заарканить.

Нас трудиться стезя увлекает иная, мы печёмся, казалось бы, лишь о немногом. Посетив нас украдкой, любовь неземная, нас живит и карябает светлым ожогом.

## Василий Геронимус К БУНИНУ

Под Парижем зарыт неусыпный блистательный Бунин; с замиранием сердца легко припадаю к нему:

— Вы такой, как при жизни, в делах настоящий и буйный, как без Вас победить нестерпимую косную тьму?

Вы от смерти ушли, большевистских оков убежали, ясно отбыли в осень. До Вас не домчат поезда. Вот и я подошёл к Вашей чистой надгробной скрижали, чуть смущённый, на годы бессчётные к Вам опоздав.

33

Вам и смерть нипочём. Как могли Вас терпеть домочадцы!? Вы сдержать не умели затейливый барственный пыл. По сравнению с Вами и сам грибоедовский Чацкий был понурым тихоней, слепым соглашателем был.

Ваш писательский дар измеряется искрой небесной, наша встреча лучится в пронзительный день сентября. Легче с полной поклажей пройти по стене по отвесной, чем на Вас походить. Вы себя изводили не зря!..

Вы играли ва-банк, Вы не знали в делах компромиссов, Вы любили тернистые в холоде жизни пути. А теперь Вы в хрустальной, в нарядной тиши кипарисов безраздельно причислены к вечному сонму светил.

Вы не шли, как положено, в ногу, в союзе со всеми, Вы разбили в щепу коллективом сколоченный гроб. А теперь Вы гуляете дивно в далёком Эдеме по свободным изгибам свободных затерянных троп...

#### Галина Колобова

## Я ВЕРНУСЬ

Ленинграду посвящается

Я вернусь к тебе. Когда— не знаю. Но я обязательно вернусь! Я другая стала, понимаю, Но судить об этом не берусь

Вот приеду утром, рано-рано, Надышусь я запахом реки, Окуну лицо в твои туманы, Что так неподвижны и легки. Прошлое возьмет себе тревоги, Долгую разлуку, бег времен, Я замру и каменные Боги Окружат меня со всех сторон.

Что они видали, эти Боги, Лик свой наклоняя над Невой. Как, едва передвигая ноги, Люди шли по скользкой мостовой, По ступеням к проруби сползая, Чтоб бидоном воду зачерпнуть, Удержать его, с трудом вставая, И суметь пройти обратный путь

Как же зябко от одной лишь мысли О годах тех, прожитых в беде, Люди из такого ада вышли, Как смогли и научились где? Знать, Петра Великого решенье - Крепость на болотах возвести В памяти хранилось поколений - Побуждало город свой спасти

Связь времён, конечно, эфемерна. Скоро все исчезнут старики, Пушкин защищавшие и Стрельну, Выжившие чудом на пайки. Но когда январь зовёт в дорогу, И на Пискаревке скорбный звон, Я вернусь! И каменные Боги Обоймут меня со всех сторон.

#### Маргарита Соснова \* \* \*

Дойти бы до высот молчания, До глубины его и тайны. Для ложных слухов развенчания, Дорог неверных и случайных. Да здравствует преображенье, Твое достоинство, исканье, И с миром тихое сраженье, Для блага общего старанье. Молчал Конфуций, старым став... И думал думу, вспоминая. Деянье доброе – Устав, Любовь, небесная, земная!

*Маргарита Соснова* 

Какая неделя! Бывает же так: Искусство, Наука, друзья и кумиры... Волшебная сказка, ни стычек, ни драк, Мелодии жизни и пламенной лиры. Находки мыслителей, ритмов звучанье И собственный голос судьбы и души, - И ты замирая, не дышишь, в молчании От невыразимого счастья в тиши. Любимое, личное - из глубины, Из давних и близких времен и видений, Пускай непонятное - со стороны... Твоё корневое... миг благоговения!

Музыкальное выступление: Долгополов Александр, песня, муз. А. Долгополова на стихи С. Серовой

#### Настольная Лампа

Как хорошо оказаться вдвоем Даже случайно и даже не вечно, Все же мы общую песню поем, Я это вижу безмолвно, сердечно.

Коль друг от друга мы вдалеке, Я о тебе вспоминаю невольно, Тень твою чую на правой щеке, В тесном кругу нашей лампы настольной.

Вижу тебя в сокровенном саду, Руки твои, устремлённые в небо, Я к тебе издали встречно иду С жаждой насущной о дарственном хлебе.

Кто познакомил, кто нас связал? Вечный наш дом, тридевятое царство, Пампы настольной сияет овал, Не разлучат нас ни смерть, ни коварство.

Песня и мы — в светозарном кругу, Всё, что мы любим, останется с нами, Внешнему больше открыть не могу, Не изложу нашу тайну словами.

Коль вдруг от друга мы вдалеке...



#### «Тише», - сказал я душе

#### песня А. Долгополова на стихи Л. Колодяжной

«Тише», — сказал я душе. Вняв мне, душа уступила, Зная молчания силу, С коей не сладить уже.

Я к тишине этой льну. Только молчанье очистит. Тьма наступает на тьму. Падают листья на листья.

Что без надежды ты ждешь — Счастья, упрека, совета? Стрелами тянется дождь. Ломкими нитями света.

«Тише, — душе я сказал, — Ритма иного не требуй, Видишь, как влажно связал Нитью дождя тебя с небом?»

Пряжа живая летит, Рвется на капли в мученьях... Нет нам иного пути, Кроме пути отреченья.

Край тишины теребя, Нежную мучая пряжу, Знаю, душа моя, скажешь — «Я отреклась от себя».



- © Erena Tuarebouas; 2019
- @Maprapuma Cocnoba; 2019
- @ Taruna Koroboba; 2019
- @Вадим Гиригори; 2019
- @Василий Геропимус; 2019
- @Arencangp Larronarob; 2019
- Олюдмита Когодаминая; 2019

ЛИТО ЦДУ РАН 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, 16

lito.domuch@gmail.com

www.lito-cdu.ru